

Василий Брусянин

Ни живые – ни мёртвые

Ни живые – ни мёртвые

Василий Брусянин

Ни живые – ни мёртвые

«Public Domain»

1904

Брусянин В. В.

Ни живые – ни мёртвые / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1904 — (Ни живые – ни мёртвые)

«Минувшей ночью Игнатию Иванычу почему-то не спалось. Лёг он накануне, после сытного ужина, в хорошем расположении духа и даже скоро заснул, но тут как вихрь какой, таинственный и беспокойный, налетели на него сновидения – и чего-чего только ни снилось ему, и всё такое нехорошее. Проснётся Игнатий Иваныч с тревогой на душе, повернётся на другой бок, не раскрывая глаз, снова забудется – и опять сновидения... Утром проснулся он позже обыкновенного, обильно смочил водою голову, расчесал бороду и усы, помолился Богу и уселся пить чай. Сидя на диване за круглым столиком, после ночи с тревожными сновидениями, он хмуро посматривал на оконные рамы, по стёклам которых катились дождевые капли, и прислушивался к шипению потухающего самовара. Газетный листок, лежавший около него на мягком сидении дивана, оставался неразвёрнутым – читать не хотелось; стакан жидкого чая с плавающим кружком лимона – остыл; остывшими казались и все чувства Игнатия Иваныча: и думы, и ожидания, и мечтания. Бывают у Игнатия Иваныча такие странные настроения, и нередко. На жизнь он никогда не роптал, положением своим был доволен, не нарушали его настроений и денежные дела, в которые он был всецело погружён; а вот подите – и ему не чужды колебания в ежедневных настроениях. Раньше, в молодости, ещё смущало его иногда одиночество и жажда семьи, а теперь и этого не чувствовалось: сорок девять лет, прожитые Игнатием Иванычем, всё изменили...»

© Брусянин В. В., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

I	6
II	9
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Брусянин

Ни живые – ни мёртвые

I

Минувшей ночью Игнатию Иванычу почему-то не спалось. Лёг он накануне, после сытного ужина, в хорошем расположении духа и даже скоро заснул, но тут как вихрь какой, таинственный и беспокойный, налетели на него сновидения – и чего-чего только ни снилось ему, и всё такое нехорошее. Проснётся Игнатий Иваныч с тревогой на душе, повернётся на другой бок, не раскрывая глаз, снова забудется – и опять сновидения... Утром проснулся он позже обыкновенного, обильно смочил водою голову, расчесал бороду и усы, помолился Богу и уселся пить чай. Сидя на диване за круглым столиком, после ночи с тревожными сновидениями, он хмуро посматривал на оконные рамы, по стёклам которых катились дождевые капли, и прислушивался к шипению потухающего самовара. Газетный листок, лежавший около него на мягком сидении дивана, оставался неразвёрнутым – читать не хотелось; стакан жидкого чая с плавающим кружком лимона – остыл; остывшими казались и все чувства Игнатия Иваныча: и думы, и ожидания, и мечтания. Бывают у Игнатия Иваныча такие странные настроения, и нередко. На жизнь он никогда не роптал, положением своим был доволен, не нарушали его настроений и денежные дела, в которые он был всецело погружён; а вот подите – и ему не чужды колебания в ежедневных настроениях. Раньше, в молодости, ещё смущало его иногда одиночество и жажда семьи, а теперь и этого не чувствовалось: сорок девять лет, прожитые Игнатием Иванычем, всё изменили...

Часу в одиннадцатом в маленькую квартирку Игнатия Иваныча позвонили. Пока толстая и рябая старуха кухарка ворчала, заслыша звонок, и медленно с перевальцем двигалась к двери, чтобы впустить гостя, Игнатий Иваныч задавался вопросом – кто бы это мог придти так рано и при этом ещё так бесцеремонно громко звонить?

– Дома? Встал?.. А-а... хорошо, хорошо! – слышался в прихожей густой голос.

На пороге появился длинный и тощий господин, в сюртуке, с шарфом, обмотанным вокруг шеи, и с мокрым от дождя котелком в руках. Лицо господина было сухощаво и морщинисто, без усов и бороды, как у ксёндза, глаза серые и быстро бегающие, руки длинные и красные, с траурными, давно нестриженными ногтями на пальцах.

– Читал? А? Игнатий, читал?.. – забрасывал вопросами вновь прибывший, здороваясь с хозяином.

– Что читал? Ничего я не читал, – сумрачно ответил Игнатий Иваныч.

– Что?.. Газетное объявление... Да вот у тебя и газета под носом.

Перегнувшись длинным корпусом через кресло, на котором мирно дремал большой белый кот, гость развернул небольшой тоненький лист уличной газетки, почти сплошь заполненный объявлениями.

– Нет, ты представь себе. Должно быть, это очень выгодное предприятие!.. Вот погоди – слушай: «Приглашаются компаньоны с капиталом в 2–3 тысячи для участия в хорошо поставленном и выгодном предприятии, с личным трудом и без оногo. Спр. в конторе К. предьявителю кредитного билета трёхрублёвого достоинства № 267825».

Гость прочёл объявление, выпучил на Игнатия Иваныча свои серенькие глазки и воскликнул:

– А!.. Брат!.. Игнатий, едем!.. Право, попытаем счастье!..

– Вот ты всегда так – «попытаем»... Пытали мы с тобой не раз, да чуть было не заварили каши... Попытаем!.. – наконец возразил всё время молчавший Игнатий Иваныч.

– Чудак! Да ведь мы не обязаны ничем: справимся, подумаем... ну, тогда...

– Горяч ты, Порфирий Иванович... Чуть что прочитаешь – то ты и лыко в строку, чуть что услышишь – то тебе горы золота... Что же попусту-то ездить, на извозчика или на конку тратиться. А погода-то вон какая!

Игнатий Иванович махнул рукою по направлению окна и отхлебнул из стакана чай. Порфирий Иванович также покосился на окно и равнодушно ответил:

– Что ж тебе погода? Ты пойми, чудак, 2–3 тысячи рублей, ведь это пустяки. А вдруг, это дело выгодное! На биржу мы редко ходим, на скачках нам не везёт...

– Я сколько раз говорил тебе не упоминать об этих проклятых скачках! – гневно воскликнул Игнатий Иванович; лицо его побледнело, глаза метали искры злобы.

– Ну, хорошо, хорошо...

Порфирий Иванович прогнал с кресла кота, уселся на его место и, немного отвалившись на спинку, продолжал покойным и вместе уверенным тоном:

– Слушай меня, брат. Деньги тогда только и интересны, когда они не лежат, а в ходу...

– Ну, пошёл! Давно я это слышал!.. – вздумал было возразить Игнатий Иванович, но брат его прежним топом продолжал:

– Ничего, что слышал – послушай и ещё... Ну, так вот-с: деньги – вода. Застойтса вода в болоте или в озере, и рыба в ней начнётдохнуть; а как в реке какой или ручье, а то и в море... льётся она там, крутит, бурлит... глядишь, что-нибудь и несёт: щепотку какую, а то и целое брёвнышко... Вот так и деньги: залежатся они у тебя в сундуке или в бумажнике, и дух от них нехороший пойдёт, а как ты встряхнёшь ими по молодецки, так они тебе и дадут!.. Помнишь, что говорил отец-то на смертном одре?

– Помню, – угрюмо подтвердил Игнатий Иванович.

– Ну, так вот. Не забывай этого. Только с такими принципами отец и нажил деньги... да... Он, брат, не тушил их! Да, не тушил!..

Порфирий Иванович встал, прошёлся по комнате, побарабанил по подоконнику пальцами, проходя мимо окна, и, возвратившись к столу, продолжал деловым тоном:

– С Иваном Лукичом сегодня встретился, на биржу он ехал... Замахал этак зонтиком, остановил извозчика, да и позвал меня. «Читали, – говорит, – в нынешнем номере?» – «Как же, – говорю, – читал». – «Ну, то-то, – говорит, – а всё жалуетесь, что нынче все дела в застое!» и поехал дальше...

– А что же это твой Иван Лукич сам не направился в контору К., вместо того, чтобы на биржу-то ехать? – с иронией в голосе спросил Игнатий Иванович, вспомнив о своей неудаче на скачках, которая, по его глубокому убеждению, имела место, только благодаря подстрекательству Ивана Лукича.

– Странный ты! – возразил Порфирий Иванович. – Иван Лукич – человек чуть ли не миллионщик, а мы с тобою что?.. Как на скачках продулись, и нос на квинту?..

– Опять! – грозно оборвал брата Игнатий Иванович.

Гость понял, к чему относился этот грозный окрик, и перевёл разговор с неприятной для брата темы о скачках на вопрос дня, а таким вопросом было переполошившее его газетное объявление.

– Две-три тысячи... пополам – это будет тысяча или полторы. Разве ты многим рискуешь, если, положим, дело не удастся, а при благоприятном исходе... – Кто знает, что это за дело, о котором публикуют... Вдруг, брат, мы с тобою нападём на такие золотые россыпи!.. Надо быть, голубчик, американцем. Ты, я вижу, отстал, а почитай-ка какие чудеса описываются там: деньги смело вкладываются в предприятие, и подчас создается такой чудеснейший процент!..

Долго ещё говорил Порфирий Иванович о деньгах и о том, как надо поступать с ними, чтобы они не залёживались, а напротив, крутятся в вихре дел, увлекали бы за собою и человека. Для того, чтобы расшевелить и увлечь брата, Порфирий Иванович вспоминал о тех случаях,

когда увлекал его в различные предприятия, и когда он выходил победителем, следя за ростом собственного капитала и ещё больше становясь податливым на другие смелые шаги в области финансовых операций. Кончил Порфирий Иваныч тем же, с чего начал – газетным объявлением, стараясь убедить брата, как хорошо вдвоём начинать дело...

II

Лет десять тому назад братья получили наследство после смерти отца, разделили доставшийся капитал по семи с половиною тысяч и зажили каждый по своему. До того счастливого времени старший из них, Игнатий, служил в банке, младший, Порфирий – в конторе какого-то железнодорожного туза. Получивши наследство, оба брата, словно сговорившись, ушли со службы и занялись денежными делами. Начали они со скупки дач в пригородных местностях столицы. Скупив дачи, они заново отделявали их и перепродавали с большим барышом в другие руки, и эти выгодные операции поощрили молодых капиталистов на дальнейшие смелые предприятия. Помимо этого, Порфирий Иванович увлекался скачками и игрой на бирже и, благодаря своим способностям, втянул в это дело и брата. Во всех своих действиях и предначертаниях деловых планов Порфирий Иванович как загипнотизированный подражал некоему Ивану Лукичу, который, начав с грошовых, но смелых предприятий – теперь богач, столичный домовладелец и гласный городской думы.

Игнатий и Порфирий Петрушкины во многом были похожи один на другого: одинаково любили они деньги, охотно подчиняя себя их власти; оба были скупы, расчётливы и недоверчивы к людям, и оба не любили людей, старательно охраняя себя от них, вместе с тем, стараясь взять от них «многое» и «ничего» не дать взамен. Люди также не любили их, за исключением тех, кто служил им. Только в одном непохожи были братья друг на друга. Порфирий Иванович довольно охотно характеризовал себя «американцем», в этой характеристике не отказывали ему и другие, наблюдая смелость и энергию, с которыми он пускается в разные спекулятивные предприятия, а Игнатий Иванович, напротив, был сдержан и рассудителен. Деньги свои вкладывал он в такие предприятия, которые на языке дельцов называются «верными делами». Экспансивный и смелый «американец», Порфирий, влиял на брата, и тот слушался его, но вот, однажды, Игнатий Иванович, благодаря подзадориванию брата и Ивана Лукича, проиграл на скачках семьсот слишком рублей и после проигрыша впал в меланхолию, проклиная и совратителей и самые скачки, и дав себе слово никогда не пытаться этого призрачного счастья. Порфирию не нравилась происшедшая с братом перемена, но потом он пришёл к заключению, что на брата лучше всего действовать логикой рубля; надо втягивать его только в такие предприятия, в успехе которых никто не мог бы усомниться. После одного крупного разговора, когда Игнатий Иванович позволил себе незаслуженно оскорбить брата разными неблагоприятными намёками, между ними произошла ссора. Месяца два после этого младший брат не бывал у старшего и последнего не приглашал к себе. Порфирий в это время увлекался биржей, где ему постоянно везло, а Игнатий Иванович уединился, не выползая на арену спекуляций и денежных дел. Мало-помалу, однако, вражда утратила свою остроту, и заскучавший по брату Игнатий Иванович навестил Порфирия, и во время этого свидания состоялось окончательное примирение, хотя прежних отношений между братьями уже не было: Порфирий Иванович и думать не смел, чтобы совратить брата на какое-нибудь денежное предприятие.

Прошло года полтора, в продолжении которых Игнатий Иванович жил, ничего не предпринимая, проедавая купоны, которые то и дело приходилось отрезать. Этот процесс «отрезания» довольно своеобразно повлиял на психику Игнатия Ивановича.

Раньше, участвуя в предприятиях, он видел, что, несмотря на некоторый риск, всё же чаще выходило так, что, подводя итог к концу года, Игнатий Иванович замечал увеличение своего капитала, а, за год бездействия – капитал этот увеличивался лишь обычным процентом, который не удовлетворял Игнатия Ивановича, тем более, что часть его приходилось проживать. Это обстоятельство вогнало Игнатия Ивановича в тоску, и он заскучал, проклиная неприятный инцидент с братом, – и ему снова захотелось дела, суетни и беготни под приятное бряцание золота... Несколько раз и очень осторожно почему-то он старался намекнуть брату, что не

прочь снова вступить с ним в компанию и припасть к какому-нибудь источнику обогащения. Догадливый Порфирий Иванович, конечно, сообразил, в чём дело, следя за оттенками речи брата и вылавливая тщательно скрытые намёки; лучше врача понял он, отчего брат побледнел и осунулся и кажется таким скучным и убитым. И Порфирий Иванович терпеливо стал выжидать случая, когда можно бы было возвратить брата к прежней жизни. Случай этот представился ему, когда он прочёл таинственное газетное объявление, такое привлекательное в своём замаскированном соблазне. Вот почему он и приехал к брату в это пасмурное осеннее утро...

– Ну, так как же, Игнатий, поедем? – спросил наконец Порфирий Иванович после продолжительной паузы.

– Уж и не знаю, что делать, – растягивая каждое слово, отвечал тот, – поехать, конечно, хорошо, и отчего бы не поехать...

– Ну, так в чём же дело?..

– А дело, видишь ли, в том – что это за дело такое? Даром бы не проехаться?..

– Чудак, право!.. Ну, там увидим!..

Игнатию Ивановичу страшно хотелось поехать, и своей нерешительностью он хотел только показать брату, что его собственные убеждения теперь уж не так-то легко поколебать, и что теперь он уже не тот легкомысленный Игнатий Иванович, которого раньше легко было вовлечь в какое угодно предприятие, лишь бы только показать издали проценты, хотя бы в виде неверного предположения. В действительности же, теперь больше, чем когда-нибудь, Игнатий Иванович был слаб перед соблазном этого всесильного процента...

– Да уж что раздумывать – поедем, что ли! – наконец согласился он, поднявшись с дивана.

III

Братья вышли на улицу, в осенних пальто с приподнятыми воротниками, с засученными у сапог панталонами и в галошах. В руках каждого из них было по зонту, сердце каждого сосал какой-то червь ожиданий, весьма приятно щекочущий нервы.

Шёл мелкий осенний дождь, было холодно; улицы и дома казались тёмными и скучными, люди были недовольны непогодой – спешили, бранились и нервничали... Весело беседуя, братья добрались до Владимирской по конкам и вышли из тесного вагона, направляясь в справочную контору. Здесь они получили от какого-то господина адрес предпринимателя, напечатанного объявления, и снова вышли на холодную и мокрую улицу. Порфирий Иваныч немного прозяб и начал соблазнять брата зайти в ресторан на той же улице, но тот не сразу на это согласился. Игнатий Иваныч скрывал, но его положительно колотила лихорадка ожидания, и ему, как только возможно скорее, хотелось добраться по адресу и узнать, что это за таинственное предприятие?

– Зайдём ненадолго, выпьем по рюмочке, закусим, да и в путь-дорогу! Ехать далеко!.. Может быть, в ресторане кого-нибудь из наших встретим, – старался уговорить брата Порфирий Иваныч.

Забежавши в ресторан, закусивши и не встретив никого из «своих», братья пустились в дальнейшее путешествие в роты Измайловского полка. Оба решили, что ехать удобнее и приличнее случаю на извозчике, и, немного поторговавшись с хмурым от непогоды «Ванькой», уселись в пролётку с приподнятым верхом и поехали. С извозчика сошли они около четырёхэтажного коричневого дома на пятой роте. Игнатий Иваныч осмотрел дом, проверил, тот ли номер красуется на фонарике у ворот, и потом взор его скользнул по рядам окон. У ворот направо была мелочная лавочка, по другую сторону ворот виднелся подъезд, а дальше, над дверью, ведущей в подвальный этаж, была прибита вывеска с изображением гроба; на тёмном фоне вывески золотыми буквами значилось «Гробовое заведение П. Ф. Силина»; другие две вывески прибиты были по сторонам двери и на каждой из них было написано: «Гробы разных вероисповеданий, а также металлические и проч.»

Игнатий Иваныч машинально прочёл эти надписи, посмотрел на мрачное изображение гроба на вывеске и отвернулся: мрачным вдруг стало и его лицо. С детских лет Игнатий Иваныч всегда побаивался смерти, и какой-то безотчётный, необъяснимый страх преследовал его всякий раз при виде покойника, гроба, похоронной процессий и других атрибутов смерти; всё это дурно настраивало его одинокую душу. С неприятным чувством отвернулся от вывески Игнатий Иваныч и в это утро и принялся торопить брата, который, благодаря недостатку в какой-то мелочи, никак не мог рассчитаться с извозчиком. Братья звонком вызвали дворника и спросили, как пройти в квартиру N 17. Дворник указал на дверь налево. Около двери на облезлой, смоченной дождём стене была прибита жестяная дощечка с изображением гроба и руки, указывающей перстом куда-то вниз. Игнатий Иваныч отвернулся от изображения гроба и влез в воротник пальто, а Порфирий Иваныч, напротив, по близорукости, вплотную подошёл к дощечке и, равнодушным взором окинув начертанное на ней, последовал за братом. Из холодных и сырых сеней двустворчатая дверь вела в квартиру гробового мастера Петра Флегонтыча Силина; на двери была прибита медная дощечка с именем, отчеством и фамилией последнего.

Дверь братьям открыла девушка лет пятнадцати. Пропустивши посетителей в маленькую прихожую, она посторонилась и вопросительно посмотрела в лицо Порфирия Иваныча; тот объяснил ей причину своего визита. Из двери направо, застёгивая пуговицы короткого пиджака, вышел невысокий толстяк, с лысой головой, широким лицом, тёмной бородкой и плутоватыми карими и блестящими глазками.

– Прошу покорнейше... Проходите... пожалуйста! – говорил он, указывая на дверь прямо, и, пропуская братьев в узенький коридорчик, просил проходить осторожно, так как по обе стороны прохода стояли прислонённые к стене и лежали группами какие-то доски различной длины и толщины.

В коридоре пахло сырым деревом и скипидаром.

– Пожалуйста налево, в контору! – командовал сзади идущий толстяк.

Братья повиновались и, дойдя до двери налево, приостановились. В комнате с низким потолком, которая носила название конторы, у окна стояла конторка, два-три мягких стула размещались около неё и вдоль стены. Около же левой стены комнаты и в простенках между окнами, стояли один на другой взгромождённые гробы, обитые золотым и серебряным глазетом, с металлическими ручками и блестящими ножками. В раскрытую дверь в помещении магазина также виднелись гробы, шкафы с парчой, металлические венки и другие принадлежности похоронных процессий.

Оба брата невольно поддались какому-то странному и жуткому впечатлению, но толстенький господин как будто и не заметил их смущения, прося посетителей присесть на стулья и вкрадчивым тенорком объясняя, что это действительно он сделал публикацию, вызывая компаньонов для участия в выгодном и хорошо поставленном предприятии. Братья сидели на стульях, всё ещё не отделившись от неловкого впечатления и прислушиваясь к тенорку словоохотливого хозяина. Особенно жалким казался Игнатий Иваныч. Лицо его осунулось и побледнело, губы отвисли, руки и ноги дрожали, словно его привели в склеп и сейчас же живым положат в один из заготовленных гробов. Он теснился со своим стулом к брату и, слушая толстенького человека, не слышал, что он говорит. Силин деловитым тоном знакомил Порфирия Иваныча с подробностями ведения дела, ссылаясь на выгодность предприятия, попутно делая какие-то цифровые выкладки и упоминая о каких-то процентах. Порфирий Иваныч, раньше брата отделившись от мимолётного неприятного чувства, слушал гробовщика с серьёзностью в лице.

– Почему же вы приглашаете компаньонов, если так хорошо идёт ваше дело? – наконец, спросил он, хитро посмотрев в глаза гробовщика.

– Да, видите ли, так уж вышло... Сам-то я ещё тут в одно предприятие вхожу, с кумом своим... Тоже очень выгодное дело... Он, видите ли, имеет специальную велосипедную мастерскую; теперь пришлось дело-то расширить, а деньжонок у него не хватило, ну, я и вошёл к нему, так сказать, пайщиком. Капитал-то свой я вложил туда, а на расширение вот этого-то дела у меня и не хватает, почему я решил опубликовать – не найдутся ли желающие в компаньоны. Дело это, клянусь вам Богом, очень выгодное!.. Хорошо бы этак магазинчик побольше, да пошире бы развернуться...

Порфирий Иваныч с большим вниманием выслушивал рассуждения Силина. Ему нравился этот человек с быстро бегающими плутоватыми глазками. Хорошим чутьём «американца» Порфирий Иваныч угадал, что ведёт беседу с бывалым и опытным человеком, и, ничего ещё не предрешая по части предложения Силина быть его компаньоном, он уже порешил вступить с гробовщиком в деловые отношения. Что работа гробовщика выгодна, об этом знал он и раньше, не раз касаясь этого вопроса с приятелями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.